

В.А. Стрельников (Москва)

УКРЕПЛЕНИЕ МОРАЛЬНОГО ДУХА РУССКОЙ АРМИИ В ХОДЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЕЕ ТАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Среди задач по реформированию и преобразованию русской армии во второй половине XIX в. важнейшее место занимали вопросы совершенствования воспитания и обучения войск, подъема на новый уровень их тактической подготовки, являющейся венцом боевой учебы. В ходе занятий по тактике происходило совершенствование умений и навыков нижних чинов и офицеров по применению индивидуального и группового вооружения в полевых условиях, слаженности действий подразделений, частей и соединений в различных видах боя.

Тактическая подготовка имеет также большие потенциальные возможности для формирования высоких морально-боевых качеств у воинов, наращивания у них нравственной энергии, боевого духа, без чего трудно рассчитывать на успех в боевой подготовке, тем более в бою. Так, в ходе разнообразных полевых занятий, учений, маневров возникают ситуации, требующие проявления почти всей совокупности качеств, необходимых в боевых условиях. Только сложная и напряженная боевая учеба закаляет характер воина, оттачивает его профессиональное мастерство и воспитывает по-настоящему боевой дух.

Видные военные ученые и военачальники обращали на это внимание офицеров и рекомендовали им полнее использовать возможности тактической подготовки для морально-психологической закалки обучаемых, для формирования у них высокого морального духа. В частности, профессор Императорской военной академии генерал-лейтенант барон Н. Медем в 1837 г., писал, что, чтобы войско отвечало своему назначению, оно должно быть не только хорошо воо-

ружено и обучено, но и «иметь два других необходимых качества: дисциплину и нравственную силу, без которых первые условия не принесут желаемой пользы»¹.

Под дисциплиной профессор понимал «безусловное и точное исполнение всех приказов начальников», а под нравственной силой – «все вообще душевные качества, необходимые для войска». И далее в книге были названы эти качества: «1) мужество, или готовность жертвовать во всякое время жизни за государя, отечество и славу оружия; 2) усердие к точному исполнению всех приказаний начальников; 3) способность переносить все трудности войны (как-то: голод, усталость и пр.) бодро и без ропота; 4) твердая уверенность в успехе своих действий, несмотря ни на свои потери, ни на преимущества неприятеля»².

Войска в ходе тактического обучения, подчеркивал автор, должны обращать на эти вопросы особое внимание и учитывать при тренировках построений боевых порядков «влияния их на нравственные силы наших и неприятельских войск»³. Как видим, профессор Н. Медем придавал исключительно большое значение моральному фактору и рекомендовал тщательно учитывать его в тактической подготовке войск и в ходе боевых действий.

Однако Восточная (Крымская) война (1853–1856) выявила немало недостатков и упущений в боевой подготовке войск, в тактике действий подразделений и частей, в слаженности и взаимодействии различных родов оружия.

Причин недостаточно высокой полевой выучки русских войск было немало, но основной из них являлась недооценка роли тактической подготовки, увлечение внешней стороной военного дела. Характеризуя строевое обучение николаевской армии, военный министр генерал-адъютант Д.А. Милютин писал: «В деле военном, которым Николай I занимался с таким страстным увлечением, преобладала забота о порядке и дисциплине, занимались не существенным благоустройством войск, не приспособлением его к боевому назначению, а гонялись за внешней только стороною, за блестящим видом на парадах, педантизмом, соблюдением бесчисленных мелочных формальностей, притупляющих человеческий рассудок и убивающих истинно воинский дух»⁴.

Показуха и формальный подход наблюдались во всем и во всех видах боевой учебы, в том числе в тактической подготовке войск. Поэтому не удивительно, что русская армия, прежде всего пехота,

оказалась слабо подготовленной к боевым действиям. Особенно она не имела навыков в стрельбе. Участник боевых действий в Придунайских княжествах в 1853 г. капитан П. Алабин по этому поводу отмечал: «У нас очень мало людей, умеющих стрелять, так как этому искусству никогда не учили толком, систематически, никогда не употребляя по назначению порохов, отпускаящийся в ничтожном впрочем, количестве для практической стрельбы, а раздаривая большую его часть знакомым помещикам...»⁵.

Что же касается кавалерии, то и она не более пехоты была пригодна к боевым действиям. Слабо выезженные лошади, приученные к фальшивым атакам на пехоту, обычно подскакивали к фронту и останавливались или поворачивали обратно, но не совершали сквозных атак. В бою лошади не изменяли своей привычке и повторяли этот маневр, как на тренировках. Артиллерия, хотя и составляла лучшую часть полевых войск, но также страдала многими недостатками, которые отмечались у пехоты и кавалерии.

Эти недостатки в боевой подготовке не могли не сказаться на психологическом состоянии офицеров и солдат, их уверенности в своих силах, на эффективном использовании оружия, боевых приемов и порядков как в мирных условиях, так особенно в первые месяцы Крымской войны. «В действиях под Журжей⁶, – отмечал А.М. Зайончковский, – мы не видим той суеи и растерянности, которую обычно проявляли до того времени частные начальники в большинстве случаев их встреч с врагом... Уроки войны сказались с большой пользой для дела»⁷.

Низкий уровень тактической подготовки войск объяснялся и тем, что в русской армии до начала 70-х гг. XIX в. системы регулярной подготовки офицеров при прохождении ими службы не было. Считалось, что объем полученных в военно-учебных заведениях знаний, практических навыков и умений вполне достаточен для выполнения офицерами своих профессиональных обязанностей. Основное внимание обращалось на совершенствование необходимых навыков в фехтовании, конной выездке, гимнастике, а также на воспитание у нижних чинов дисциплинированности и исполнительности. В то же время занятия по тактической подготовке и проверке умения командиров управлять подчиненными в бою не практиковались. На смотрах и учениях, в ходе инспекций проверка обычно ограничивалась показной стороной дела, строевой выправкой и шагистикой, завершавшейся церемониальным маршем.

В 1860-е гг., хотя внимание к боевой подготовке в Военном министерстве и военных округах усилилось, предметнее и эффективнее стала проводиться боевая учеба, тем не менее, плац-парадные принципы в системе обучения русской армии далеко еще не были изжиты. В пехоте и кавалерии предпочтение по-прежнему отдавалось более простым формам обучения. Упрощенный, порой формальный подход к тактической подготовке войск негативно сказывался на их боеспособности и морально-психологической подготовке. И только после новых значительных человеческих потерь и горьких уроков, извлеченных из ряда неудач в ходе Русско-турецкой войны (1877–1878), руководство Военного министерства и военных округов стало отказываться от устаревших методов обучения и широко использовать в тактической подготовке все новое и передовое.

«Нравственное воспитание солдата, – писал современник тех лет, – было признано в массе начальствующих лиц и стало быстро распространяться лишь по окончании последней русско-турецкой войны, когда во главе нашей армии появились даровитые руководители; и вместе с этим вопрос нравственного воспитания солдата стал предметом широкой разработки в текущей военной литературе...»⁸.

На основе опыта войн был подготовлен ряд работ⁹, в которых рассматривались различные вопросы, связанные с морально-психологическим состоянием войск, в том числе влияния морального фактора на их боеспособность. Эти книги содержат богатый фактологический материал, характеризующий морально-психологическое состояние русских полков в боевой обстановке, яркие примеры мужества, стойкости, непреодолимой воли к победе. Так, наблюдения в ходе войны показали, что одни части теряли свою боеспособность уже при потерях личного состава в 10–15 %, а другие сохраняли ее, в силу высокой моральной стойкости, и при потерях в 50 %¹⁰. А пехота отряда М.Д. Скобелева в ходе боев под Плевной 31 августа 1877 г. продолжала удерживать редуты, потеряв до 40 % своего состава, в некоторых же ротах потери достигали 75 %¹¹. Эти и многие другие подобные факты убедительно свидетельствовали о важности поддержания высокого морального духа войск, что достигалось не только обеспечением их всем необходимым, но и напряженной боевой учебой, высокой тактической выучкой, созданием нормальных уставных взаимоотношений между начальниками и подчиненными.

Военное ведомство после Русско-турецкой войны (1877–1878) было вынуждено подготовить для войск ряд новых уставов, инструк-

ций и наставлений, в которых морально-психологической подготовке было уделено значительно больше внимания. К их числу можно отнести «Инструкцию для действия в бою отрядов из всех родов оружия» (1882), «Инструкцию для действия в бою полевой артиллерии в связи с другими родами войск» (1882), «Инструкцию для маневрирования войск с боевой стрельбой из трех родов оружия» (1886), «Наставление для обучения стрельбе» (1889), «Устав о строевой пехотной службе с инструкцией для действий роты и батальона в бою» (1889), «Положение о саперных командах в пехоте» (1890) «Наставление для действия казачьих частей лавами» (1899) и др.

За период 80-х и первой половины 90-х гг. XIX в. для пехоты, кавалерии, артиллерии и инженерных войск было издано около 80 различных уставов, наставлений, инструкций по обучению войск¹². Подобная работа продолжалась и в последующие годы.

Новые регламентирующие документы сделали боевую подготовку более напряженной и целенаправленной, способствовали повышению полевой выучки войск, их психологической стойкости. Весь учебный год в соответствии с «Планом распределения годовых занятий в войсках» (1887) делился на два основных периода: зимний и летний, а каждый из этих периодов – на более мелкие. Наиболее напряженным и поучительным являлся летний период обучения. В ходе этого периода проводились занятия по практической стрельбе, саперному делу, военной топографии, полевой гимнастике (бег по пересеченной местности, преодоление оврагов, ручьев) и другим предметам.

Так, например, руководящие документы требовали выводить на полевую гимнастику солдат при полном снаряжении, с учебной винтовкой. В ходе занятий преодолевались препятствия, как в бою, кололись чучела, которые специально устанавливались на насыпях препятствий, выполнялись и другие задачи. Физические упражнения, полевая гимнастика, игры и спорт способствовали не только укреплению мышц, но и нервов. А это располагало к хорошему настроению, положительным эмоциям, ослаблению страха, повышению морально-психологической закалки.

Ежегодно согласно высочайше утвержденному расписанию занятий в войсках части выводились на полевые занятия обычно в апреле–мае в масштабе полков, а позже – в масштабе дивизий.

Для практической стрельбы артиллерия сосредоточивалась на полигонах, в одну или несколько очередей. Саперные части для летних

занятий имели отдельные бригадные сборы в Петербургском, Варшавском, Киевском и Одесском военных округах. Они участвовали в совместных занятиях с частями других родов войск.

Для совместных занятий трех родов оружия войска сосредоточивались на общие сборы по округам на срок до 4 недель, в конце которых проводились в 2–3 округах (поочередно) ежегодно большие маневры. С 1886 г. стали проводиться маневры между войсками двух смежных военных округов. Они обычно проходили в приграничной полосе и давали возможность войскам ознакомиться с местностью, которая могла стать театром военных действий, а также проверить на практике некоторые теоретические положения уставов и наставлений по тактике. Большие маневры являлись и хорошей школой формирования высоких морально-боевых качеств, воспитания воли, выносливости и ответственности.

Учитывая значительные расходы на подобные учения (более 500 тыс. р.), они проводились через год. В 1886 г, например, 12-дневные маневры проходили между войсками Виленского и Варшавского военных округов с участием 118 батальонов, 85 эскадронов и сотен и 210 орудий. Еще крупнее проходили учения в 1890 г. между войсками Варшавского и Киевского округов. В них участвовало 187 батальонов, 142 эскадрона и 456 орудий¹³. Подобные учения, наряду с отработкой тактических вопросов, являлись хорошей школой психологической закалки воинов, важным этапом в их профессиональном становлении.

С 1884 г. ежегодно стали проводиться учения в Одесском военном округе с высадкой морского десанта. Ввиду новизны и сложности отрабатываемых вопросов опыт десантирования накапливался медленно, но во многом он был интересным и поучительным, особенно в плане формирования высокого морального духа.

Почти ежегодно в военных округах проводились опытные учения с отработкой различных вопросов. В 1885 г., например, в Московском военном округе проводились крупные двусторонние маневры. После чего был совершен большой марш войск в двух параллельных колоннах с поддержкой между ними связи¹⁴.

Во время сбора артиллерийских частей округа было проведено также опытное учение с боевой стрельбой из всех родов оружия. В учении приняли участие 6 батальонов, 12 эскадронов, 18 пеших и 3 конных батареи¹⁵. Это учение показало, как отмечалось в отчете о деятельности Главного штаба за 1885 г., «что совокупная боевая

стрельба 3 родов оружия должна занять видное место между другими отделами современного обучения войск»¹⁶.

В летних общих сборах участвовала, как правило, большая часть войск округов, что свидетельствовало о высокой напряженности боевой учебы. Например, в 1885 г. в Петербургском военном округе в общих сборах участвовало 79 % пехоты, 98 % кавалерии и 85 % артиллерии. Примерно такое же соотношение участвовавших в сборах различных родов войск отмечалось в Виленском, Варшавском и Московском военных округах. В других военных округах в силу различных причин процент участвовавших в сборах войск был несколько ниже¹⁷.

В ходе тактической подготовки большое внимание уделялось натренированности солдат, от которой зависели в значительной степени боевая выучка, психологическая стойкость бойца, успех боя. Опыт войны свидетельствовал, что солдат, отлично натренированный в уколах штыком и ударах прикладом, сталкиваясь в тесной траншее с противником, не задумываясь, вступал с ним в единоборство, ловко парировал выпады врага и в конце концов выходил победителем. И чем больше у бойца было навыков и чем они были совершеннее, тем лучше он действовал в бою, ибо воину некогда думать о том, что он должен делать, например, в момент атаки. Он должен действовать автоматически, так как размышление в данном случае лишь замедлит выполнение задачи и может стоить ему жизни.

Натренированность в основных видах и приемах боя придает воинам уверенность в своих силах и имеет большое морально-психологическое значение. В боевых порядках они чувствуют себя смелее, их моральное состояние поддерживается близостью товарищей и начальников. Одновременные действия солдат (что достигается тренировкой) поднимают их боевой дух и, следовательно, умножают их силы, смелость.

Ознакомление с расписанием занятий пехотных частей показывает, что ежедневно предусматривались в ротах тренировки по стрелковой подготовке и отработке штыковых приемов. В коннице также проводились ежедневные тренировки по стрельбе в цель и с чучелами.

В 80–90-х годах XIX в. основные руководящие документы по боевой подготовке требовали от командиров создавать в ходе обучения нижних чинов условия, близкие к боевым. Так, например, в «Инструкции для ведения занятий в пехоте» отмечалось, что «двусторон-

ние маневры совмещают в себе все предыдущие отделы полевого обучения войск, а потому должно стремиться производить их в обстановке, наиболее подходящей к боевой»¹⁸.

Только такой подход позволял в ходе боевой учебы подготовить смелого, решительного, психологически стойкого солдата, готового ко всем испытаниям в бою. Ибо присущая бою опасность создает особые условия психической деятельности бойца. «Последствия опасности влияют всецело на дух, – говорил К. Клаузевиц, – или непосредственно инстинктивно, или же путем разума. Первое впечатление выразится желанием уклониться от опасности, а неисполнимость этого – порождает боязнь и страх»¹⁹.

Насколько рассудочность бойца уменьшается в условиях опасности, свидетельствует один характерный факт: в эпоху, когда ружья заряжались с дула, значительное число ружей, подобранных после боя на поле сражения, оказывалось заряженными несколько раз. Это подтверждает и большая разница между незначительным числом убитых и раненых по сравнению с огромными цифрами израсходованных в бою патронов и снарядов.

Эти примеры свидетельствуют о принципиальном отличии стрельбы в бою и на стрельбище. Да, стрельба в бою имеет мало общего со стрельбой в мирное время, но из этого отнюдь не следует, что не нужно серьезно подходить к обучению этой стрельбе, ибо при одинаковой степени эмоций у более подготовленного стрелка результаты огня будут лучше, чем у необученного. Хорошо обученный приобретает уверенность в себе, а потому получает известный запас моральных сил и лично для себя, и для влияния на товарищей. Поэтому элемент страха командиры учитывали как специфический фактор психологии боя и старались воспитать у нижних чинов в ходе боевой подготовки смелость, храбрость, способность психологически противостоять опасности.

Например, при обучении артиллеристов проект «Положения для полевых занятий войск в частных сборах» нацеливал расчет на то, чтобы он действовал при орудиях, как «при условии боевого заряжания, то есть имел для этого соответствующие заряды и снаряды с трубками, чтобы номера умели сознательно обращаться с механизмом...»²⁰.

Кавалеристам этот же документ предписывал вести обучение эскадронов умению ходить всеми аллюрами (рысью, галопом, в карьер), учить атаке как на кавалерию, так и на пехоту. Особое внимание

уделялось тренировкам сквозных атак. При этом рекомендовалось сделать два, три сквозных прохода через пехоту, дать отдохнуть лошадям, тем самым приучить их к тому, что прохождение рядов противника является окончанием их «работы». Кстати, в конной атаке на пехоту очень многое зависело от поведения лошади. Поэтому выезде ее, вольтижировке придавалось в кавалерии исключительно большое значение. При этом учитывался как отечественный, так и мировой опыт в обучении конницы.

В ходе обучения сквозным атакам происходило взаимообогащение психологическим опытом пехотинцев и конницы, лучшее познание друг друга. Как правило, после нескольких сквозных атак пехотинцы подходили к лошадям и перед их головами выполняли ружейные приемы, чтобы приучить лошадей не бояться ружейного треска. Пехотинцы также подходили к лошадям и поглаживали их. Это позволяло преодолеть страх у тех, кто боялся лошадей. В это же время барабанщики и горнисты ходили возле лошадей, били в барабан и играли. Использовались и другие характерные для боевой обстановки приемы, которые создавали своеобразную психологическую атмосферу.

Значительный опыт приобретали военнослужащие в ходе односторонних учений с боевой стрельбой, которые начали практиковаться с 1880 г. Этот вид обучения был, конечно, во многом сложнее обычной стрельбы в цель на стрельбище или полигоне. Здесь перед атакующими возникала сложная мишенная обстановка, соответствующая, как правило, боевому порядку оборонявшегося противника.

Солдаты при этом тренировали глазомер, так как расстояние до каждой цели необходимо было определить самостоятельно, а также не забыть установить соответствующий прицел. Неравномерная по всей линии атакующих расстановка мишеней давала возможность унтер-офицерам получить опыт в распределении целей для поражения по цепи, а стреляющим правильно выбрать укрытие и найти опору для ружья. Кроме того, боевой патрон производил «магическое действие на настроение людей и начальников: стоит только зарядить оружие, – отмечали командиры, – как появляется серьезность на лицах, внимание напрягается, иногда даже обнаруживается нервность»²¹.

Несмотря на всю сложность организации учений с боевой стрельбой в 80–90-х гг. XIX в., этот вид обучения военнослужащих в русской армии получал все более широкое распространение и сущес-

твенно влиял на повышение полевой выучки и психологической стойкости войск.

Однако поучительные возможности боевых стрельб использовались в русской армии далеко не полностью. Прежде всего потому, что они проводились еще не везде и не ежегодно. Да этого и не добивалось Военное министерство. Кроме того, в войсках их не любили. Они требовали значительно больше сил и средств, а благодарности за их проведение никакой, к тому же были и несчастные случаи. Нередко боевой стрельбой руководили второстепенные начальники, допускалась широкая импровизация, бессистемная расстановка мишеней, шаблонность в организации. Все это привело к тому, что в 1899 г. в переизданном «Наставлении для обучения стрельбе» параграф с указаниями по организации боевых стрельб был исключен²².

Для сохранения высокого морального духа войск немаловажное значение имела защищенность военнослужащих от поражения противником, их уверенность в надежности средств защиты. Так, защитные свойства местности, каска, различного рода щиты снижали нервное напряжение, сохраняли надежды на благополучный исход боя, уменьшали людские потери.

С принятием на вооружение все более совершенного стрелкового и артиллерийского оружия повысилась их поражающая способность, что вызвало необходимость в изыскании новых средств защиты от огня противника. Важную роль в этом стало играть саперное дело. В войсках увеличилась поставка шанцевого инструмента, и саперному делу в частях стали уделять не меньше внимания, чем другим сторонам образования личного состава.

Следует отметить, что в организации боевой учебы военнослужащих русской армии были и определенные трудности, проблемы, которые негативно отражались на боевой подготовке нижних чинов, их морально-психологическом состоянии.

Прежде всего, следует отметить, что внеказарменное расположение русских войск приводило к большому разбросу на значительной территории подразделений одной воинской части, что серьезно осложняло ход боевой учебы и воспитательный процесс, особенно в зимнее время. Занятия нередко срывались или проводились формально. Постой на обывательских квартирах приводил к снижению воинской дисциплины, к падению морального духа. К 1870 г. лишь 56 % войск располагалось в казармах, а в некоторых военных округах этот процент был еще ниже²³.

Другим серьезным недостатком того периода были упрощения в боевой подготовке, формальный подход к выполнению уставных требований по стрелковой, строевой и тактической подготовке. Проведение занятий из года в год на одном и том же полигоне, стрельбище, на хорошо знакомой местности негативно сказывалось на приобретении навыков в топографическом ориентировании, в пристрелке целей, в целом на боевой выучке и морально-психологической подготовке войск.

Значительно снижал уровень боевой выучки нижних чинов большой отрыв их от учебы для несения караульной службы, командировок, выполнения различного рода хозяйственных работ, которые для полков являлись тяжелым бременем, требовавшим значительного количества рабочих рук.

Но Военное министерство видело эти недостатки и принимало меры к снижению потерь времени на боевую учебу. В частности, из года в год уменьшалось число караулов и людей, выделяемых для них. Так, если к 1 января 1882 г. ежедневно в караул назначалось 33 766 человек, то к 1 января 1883 г. – 30 921, к 1 января 1884 г. – 29 049, а к концу 1884 г. – 28 433 человека²⁴.

На качестве боевой подготовки сказывались также и другие негативные моменты: некомплект офицеров и унтер-офицеров, незначительное количество стрельбищ и полигонов, недостаточное финансирование армии, упущения в подготовке кадров, низкий общеобразовательный уровень нижних чинов, слабое знание русского языка инородцами и т. д. Вместе с тем следует отметить, что император Николай II неоднократно отмечал после смотров высокий уровень подготовки войск и их хорошее нравственное состояние.

Таким образом, тактическая подготовка русской армии во второй половине XIX в. постоянно совершенствовалась. Несмотря на серьезные недостатки, которые имелись в организации боевой подготовки, в перевооружении и обучении командных кадров, уровень тактической подготовки из года в год повышался. Вместе с ростом боевой выучки войск повышались и морально-боевые качества солдат и офицеров, укреплялся их моральный дух. Этому способствовала как довольно напряженная боевая подготовка, так и активная воспитательная работа в русской армии.

- ¹ Медем Н. Тактика // Русская военно-теоретическая мысль XIX и начала XX веков / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1960. С. 88.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Российская Государственная библиотека (РГБ). Отд. рук. Ф. 169. Картон 9. Ед. хр. 1. Л. 22.
- ⁵ Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56 и 1877–78 годах. М., 1892. Ч. 1. С. 2.
- ⁶ Под Журжей 22 января (3 февраля) 1854 г. русские войска успешно отбили атаки турок.
- ⁷ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1913. Т. 2. Ч. II. С. 664.
- ⁸ Колесников А.А. О воспитании и обучении в русской армии //Воен.-истор. журнал. 1989. № 3. С. 83.
- ⁹ Богданович М.И. Восточная война 1853 – 1856 годов. Т. I–IV. СПб., 1876; Дубровин Н.Ф. 1) Восточная война. 1853–1856 годов. Обзор событий... СПб., 1878; 2) История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. I–III. СПб., 1900; Куропаткин А.Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–78 годов. Ловча и Плевна. СПб., 1885; Зайончковский А.М. 1) Оборона Севастополя. Подвиги защитников. Краткий исторический очерк. СПб., 1899; 2) Восточная война 1853–1856 гг. В 2 т. СПб., 1908–1913.
- ¹⁰ Гершельман С. Нравственный элемент в руках Скобелева. Гродно, 1902. С. 4.
- ¹¹ Михневич Н.П. Влияние новейших технических изобретений на тактику войск. СПб., 1893. С. 110.
- ¹² Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. 1881–1894 гг. СПб., 1903. С. 360–370.
- ¹³ Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования государя императора Александра Александровича. 1881–1890. СПб., 1892. С. 88.
- ¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 21. Д. 1556а. Л. 94.
- ¹⁵ Там же. Л. 95.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 97.
- ¹⁸ Инструкция для ведения занятий в пехоте. СПб., 1886. С. 50.
- ¹⁹ Клаузевиц К. О войне. Т. 1–3. М.; Л., 1932 – 1933. Т. 1. С. 75.
- ²⁰ Проект Положения для полевых занятий войск в частных сборах. СПб., 1887. С. 100.
- ²¹ Кабанов К. Стрельбы с маневрированием // Военный сборник. 1913. № 4. С. 86.
- ²² Там же. С. 87.
- ²³ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1051. Л. 15.
- ²⁴ Там же. Д. 1078. Л. 34.